

Лэ Юй достал принесённые с собой пилюли и начал кормить ими Цзи Юйху. Это были редкие пилюли «Возвращающего Аромата», которые можно было получить на Острове Пэнлай лишь три штуки за десять лет. Изначально они предназначались для Гу Хуань, чтобы в случае беды, принимая по одной пилюле в месяц, она могла продержаться хотя бы три месяца. Теперь же у него не было других духовных лекарств, и он последовательно скормил все пилюли Цзи Юйху, одновременно передавая ей внутреннюю энергию, чтобы ускорить усвоение лекарства.

Монах, стоявший рядом, был полон скорби. Он хотел укротить тигра, но, к своему ужасу, увидел, как тот напал на людей, и уже не успел предотвратить трагедию. Ему казалось, что всё произошедшее было его ошибкой и кармическим воздаянием.

Служанки и служанки-няньки, дрожа от страха, сбились в кучу. Лэ Юй поднял Цзи Юйху на руки и поспешно направился в дом. Монах, осознав, что совершил непоправимое, вдруг вспомнил, что в животе женщины всё ещё была жизнь, которую можно спасти. Он бросился вслед за Лэ Юем:

— Почтенный! Ваша супруга вот-вот родит, и ждать больше нельзя. Я... немного разбираюсь в медицине, позвольте мне помочь ей...

Цзи Юйху с момента зачатия редко улыбалась или радовалась. Беременность, длившаяся уже почти восемь месяцев, принесла ей больше страданий, чем радости, как физических, так и душевных.

На этот раз, увидев, как тигр загрыз служанку, она так испугалась, что у неё начались преждевременные роды, которые оказались крайне трудными. Даже приняв редкое и драгоценное духовное лекарство, а также получая постоянную поддержку внутренней энергии от Лэ Юя, она уже через полчаса полностью обессилела.

Её жизнь с самого начала была невысокой, а её характер — замкнутым. Она не стремилась к достижениям, но при этом была настолько гордой, что желала сохранить свою чистоту, не позволяя мужчинам прикасаться к себе. Каждый день её жизни был наполнен страданиями.

Она кусала ткань, чтобы не кричать, и её губы уже были в крови. В момент невыносимой боли она вдруг подумала: «Её страдания вовсе не ограничиваются этим моментом. Всю свою жизнь она испытывала боль, и лишь в те несколько лет, когда её защищала супруга наследного принца Чжаохуай, она находила хоть немного покоя». Тогда она работала в хранилище древностей, где каждый день протирала пыль с драгоценных предметов, окружённая десятками полок с безмолвными вещами.

Она не знала, сколько времени прошло. Пот заливал ей глаза, они покраснели, и больше не осталось слёз. Через три часа, когда на улице уже полностью стемнело, комната наполнилась запахом крови, и никто даже не додумался зажечь свет.

Положение плода было неправильным, а её родовые пути не раскрывались. На лбу монаха выступили крупные капли пота. Если бы всё продолжалось так и дальше, ребёнок мог бы

погибнуть во время родов. Она, казалось, понимала это и, из последних сил, прижалась к Лэ Юю, шепнув ему на ухо:

— Врач сказал... это мальчик, да?

— Да, — ответил Лэ Юй.

Её глаза уже потухли:

— Я боюсь... боюсь... Почему... это должен быть мальчик...

Лэ Юй поддерживал её, защищая её жизненные силы:

— С тобой всё будет в порядке, и с ним тоже.

Но её лицо исказилось от боли, и она, казалось, боролась с собой:

— Мальчик или девочка... это мой... ребёнок. Не думай обо мне! Спаси его, спаси его... и отпусти меня...

Лэ Юй вздрогнул, поняв, что Цзи Юйху готова пожертвовать собой ради спасения ребёнка. Она уже отказалась от жизни, но не хотела утащить с собой и ребёнка.

Он долго не двигался, затем пошёл за мечом. Монах, увидев это, испугался, но в конце концов вздохнул и закрыл глаза.

На рассвете из дома наконец раздался крик новорождённого. Женщина, которая рожала, была разрезана, чтобы извлечь ребёнка, и кровь хлынула потоком.

Мальчик был весь красный, его лицо сморщено, и монах, держа его в окровавленных руках, слышал только его громкий плач. Никаких черт лица пока разглядеть было нельзя.

Цзи Юйху взглянула на него, слабо улыбнулась, собрала последние силы и изо всех сил схватила руку Лэ Юя:

— Научи его... быть хорошим человеком, с чистыми мыслями... с открытым сердцем... уважать... женщин...

Не закончив фразу, она упала, её рука безвольно соскользнула. Лэ Юй обнял её, потом, через некоторое время, поправил её растрёпанные волосы и тихо сказал:

— Я обещаю.

Она умерла у него на руках. Лэ Юй положил её и, взяв меч, вышел из дома:

— Пожалуйста, позаботьтесь о моём сыне, учитель.

Монах, чьи серые одежды были испачканы кровью, осторожно вытирал кровь с лица младенца. Услышав это, он вскрикнул:

— Почтенный!

Но Лэ Юй уже исчез, его высокая фигура растворилась в темноте. Младенец, только что родившись, уже навсегда расстался с матерью и, казалось, плакал о её несчастной жизни. Монах не знал, что делать, то ли идти за Лэ Юем, то ли остаться. Он громко произнёс молитву и, держа ребёнка, бросился в погоню.

Служанки и няньки, придя в себя через несколько часов, начали, рыдая, убирать тело погибшей служанки.

Утренний ветер пролетел над сосновым лесом, и в предрассветной тишине природа молчала. Монах, держа новорождённого, который даже не мог открыть глаза, как будто нёс хрупкую фарфоровую чашу, боясь её разбить, озирался вокруг, опасаясь за ребёнка.

Через полчаса он наконец догнал Лэ Юя, но было уже поздно. В лесу витал тяжёлый запах крови, но это была не человеческая кровь. На земле лежало огромное тело, его жёлтая шерсть была залита кровью. Рядом с этим безжизненным телом стоял высокий мужчина, как гора или бездна. Он уже вложил меч в ножны, повернулся к монаху и улыбнулся. Его лицо и плечо были покрыты кровью зверя.

— Учитель, вы опоздали, — сказал Лэ Юй.

Он вытер с лица тёплую кровь зверя, а монах смотрел на него с покаянием и отчаянием.

На правой стороне шеи Лэ Юя была небольшая рана от когтя, короткая и неглубокая, но в тот момент клыки и когти тигра были всего в нескольких сантиметрах от его горла.

Монах, шатаясь, отступил назад, держа ребёнка, и в его глазах была глубокая печаль. Он хотел начать читать молитву, но кому? Молодой девушке, убитой тигром, женщине, умершей при родах, или этому только что убитому зверю, который, хотя и совершил зло, в буддизме равен всем и также заслуживает спасения.

Монах дрожащим голосом произнёс:

— Вся вина лежит на мне. Я слишком торопился, пытаюсь укротить тигра не с помощью учения Будды, а с помощью «Печати Покорения Демонов», чтобы он не осмелился напасть в вашем присутствии... Если бы я пожертвовал собой, этого бы не случилось.

Лэ Юй ответил:

— Учитель, вы не смогли его укротить, его дикая природа взяла верх, и он напал на людей. Какое это имеет отношение к вам? Или, если уж на то пошло, если бы вы не смогли укротить меня, и я однажды впал бы в безумие и был бы убит кем-то другим, это было бы моей кармой, и я бы не жаловался.

Он взял ребёнка из рук монаха. Младенец, вымытый от крови, был тих и спокоен. Лэ Юй сказал:

— На этом наши пути с учителем расходятся.

Монах вздохнул, подняв лицо к небу, и слёзы потекли по его скорбному лицу. Он не нашёл слов, только понял, что его учение слишком поверхностно, чтобы спасти этого молодого человека, который уже встал на путь заблуждения, и который был одним из лучших в мире боевых искусств. Он чувствовал себя виноватым перед этим человеком, погружённым в океан страданий, и перед всем миром. Он остался стоять там, и после того, как Лэ Юй ушёл, он больше не вернулся в Храм Холодной Сосны, а направился на юг, в неизвестном направлении.

Десять дней спустя, в Храме Холодной Сосны.

Благовония горели не каждый день, и паломников было мало. Самым известным в храме было то, что мать императора Чжоу когда-то похоронила здесь свои кости, зажгла 999 вечных лампад и построила три золотых пагоды.

Теперь, хотя буддизм уже не был так популярен, как во времена 400 храмов Южной Династии, богатые и знатные люди, преданные буддизму, всё ещё приходили в Храм Холодной Сосны, чтобы щедро пожертвовать и зажечь вечные лампы.

Молодой монах с приятной внешностью вошёл в комнату для гостей, сложил руки в молитве и сказал:

— Учитель, один паломник хочет установить поминальную табличку и зажечь лампаду.

Учитель встал, нахмурившись:

— Разве это требует моего внимания?

Молодой монах тихо ответил:

— Этот паломник... пожалуйста, учитель, выйдите и встретьте его лично!

Услышав, что это был тот самый человек, который недавно убил тигра в горах, молодой монах удивился, но всё же пошёл. В храме, перед тремя подушками для молитвы, стоял высокий мужчина, спиной к нему, смотрящий на огромную золотую статую Будды.

Молодой монах спросил:

— Этот паломник хочет установить поминальную табличку и зажечь вечную лампаду в нашем храме?

Лэ Юй не обернулся:

— Сто золотых монет будут доставлены завтра, чтобы восстановить золотые статуи Будды в вашем храме. Я хочу установить поминальные таблички для двух женщин, и надеюсь, ваш храм не разочарует меня.

Он был одет просто, но молодой монах не усомнился в его словах о ста золотых монетах. Его гнев и гордость исчезли, и он неуверенно спросил:

— Для каких женщин паломник хочет установить таблички и сколько лампад зажечь?

Лэ Юй молча смотрел на лицо Будды. После смерти он вспомнил, что Цзи Юйху говорила, что её мать несколько раз упоминала Храм Холодной Сосны, но из-за своей бедности и низкого положения никогда не могла мечтать о том, чтобы её там почтили.

<http://bllate.org/book/15272/1348122>